

УДК 316.6

Диссоциативное расстройство идентичности в контексте социальной философии

Шкарин Дмитрий Леонидович

Психолог,
Центр развития тренинговых технологий,
620142, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Большакова, 61;
e-mail: dshkarin@mail.ru

Шелестюк Елена Владимировна

Доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Челябинский государственный университет»,
454001, Российская Федерация, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129;
e-mail: shelestiuk@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается феномен диссоциативного расстройства идентичности с точки зрения социальной философии. При рассмотрении философской проблематики, связанной с феноменом диссоциативного расстройства идентичности, авторы предлагают выделить три тематические зоны: интерсубъективный аспект удостоверения статуса личности, нетранспарентность сознания для себя и возможности построения альтернативных моделей реальности, допускающих реализацию множественных идентичностей. Дальнейший анализ показывает, что в структурном плане функционирование диссоциированного субъекта воспроизводит общую логику функционирования децентрализованных социальных систем и отражает идеологические установки на критику рациональности, понимаемой как проектное освоение реальности. Сопоставляя специфику организации внутреннего мира и поведенческие особенности отдельной личности, страдающей данным видом психического заболевания, авторы проводят параллели с социально-философской дискуссией о преимуществах и недостатках децентрализованных систем с низким уровнем внутренней интеграции. Ставится вопрос о возможности воздействия социокультурных ценностных установок на форму и структуру персональной идентичности в контексте массовой культуры. В заключение подчеркивается значение социальных технологий в развитии целостного субъекта и определяются перспективы их применения в процессе формирования персональной идентичности.

Для цитирования в научных исследованиях

Шкарин Д.Л., Шелестюк Е.В. Диссоциативное расстройство идентичности в контексте социальной философии // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Том 6. № 2А. С. 57-67.

Ключевые слова

Персональная идентичность, синдром множественной личности, диссоциативное расстройство идентичности, ятрогенное воздействие, организация системы, децентрализация, индивидуализм, индивидуализированное общество, Билли Миллиган, формирование субъектности, самоидентичность, целостность личности.

Введение

Феномен диссоциативного расстройства идентичности (ДРИ) становится модным явлением в социокультурном пространстве. Достаточно вспомнить, к примеру, популяризацию фигуры Уильяма Миллигана, расщепившегося на 24 самостоятельные полноценные личности. К настоящему времени выпущены многочисленные тиражи популярной книги Дэниэла Киза «Множественные умы Билли Миллигана» [Киз, 2015], повсеместно всплывают имена медийных персон, таких как Леонардо де Каприо, заявленного как исполнитель роли Билли Миллигана, ведутся разнообразные интеллектуальные дискуссии на тему множественности личности [Розин, 2015], существуют многочисленные компьютерные игры, группы в социальных сетях и сайты, посвященные фигуре Билли Миллигана (имя Билли олицетворяет корневую личность в структуре его внутреннего мира).

Помимо Билли Миллигана, можно было бы указать еще на десятки подобных реальных и вымышленных персон, представленных в современной культуре. Подробный обзор массмедийных персонажей, страдающих расщеплением личности, от героев мультипликационных фильмов до героев популярных книг и сериалов можно найти в работе П. Никифоровой «Феномен множественной личности в науке и культуре» [Никифорова, 2014]. И хотя Миллиган далеко не единственная популярная фигура, представляющая синдром множественности личности в современном социокультурном пространстве, мы воспользуемся в нашем последующем анализе именно ею. Попутно отметим и постоянный рост случаев заболевания ДРИ (до 3-4 тысяч ежегодно), неуклонно стремящийся вверх, особенно в англоязычных странах.

Диссоциативное расстройство идентичности

Для начала воспользуемся не узко психиатрическим, а философским определением феномена ДРИ. В трактовке Е.Г. Турбиной ДРИ предстает как *синдром множественной персональности*: психическое заболевание, состоящее в локализации в рамках одного и того

же физического тела двух или более «Я»-подобных образований, отличающихся типами и характером воспоминаний об их прошлой жизни, внутренне согласованными совокупностями мотивов и верований, потоками сознания, в ряде случаев – наборами физических характеристик, включая язык тела и расположение морщин на лице, позволяющими говорить о последовательной смене либо о сосуществовании в рамках одного психологического субъекта нескольких персон или «Я» [Турбина, 2006].

В международном классификаторе болезней (МКБ-10) данное расстройство определяется как разновидность конверсионных расстройств и проходит под кодом F 44.81. Объединяющим критерием для всех нарушений, проходящих под этим кодом, является нарушение связности и цельности памяти, личностного сознания, восприятий, потеря контроля над двигательными функциями. Мы используем термин диссоциативное расстройство идентичности в соответствии с формулировкой, данной в диагностическом руководстве по психическим расстройствам (DSM-IV), куда она была впервые включена в 1994 году. В психиатрическом дискурсе обсуждается возможность рассмотрения данного синдрома и как разновидности процесса деперсонализации [Короленко, Дмитриева, Загоруйко, 2000]. В отечественной психиатрии одним из пионеров-исследователей процесса деперсонализации явился А.А. Меграбян, обобщивший мировой опыт исследования и интерпретации нарушений целостности личности в методологической работе 1962 года «Деперсонализация» [Меграбян, 1962].

При всем разнообразии подходов к данному феномену обращает на себя внимание указание, что нельзя отрицать возможность ятрогенного (внушенного) характера возникновения и распространения данного явления, связанного с преобладанием в ведущих устоявшихся психотерапевтических дискурсах многочисленных моделей множественных идентичностей или субличностей. А значит, имеет смысл рассмотреть и социальные предпосылки для возможного культивирования феномена ДРИ. Тем более, тема персональной и социальной идентичности представлена в современном философском дискурсе остро и многогранно. Как отмечает социолог Зигмунд Бауман в работе «Индивидуализированное общество», вопрос личностной идентичности на данный момент времени является наиболее конъюнктурной и одновременно болезненной темой по мере утверждения и распространения индивидуализированного общества в глобальном масштабе [Бауман, 2002].

Мы предлагаем выделить три зоны проблематизации темы самотождественного субъекта, которые открывает для философского осмысления феномен ДРИ.

Первая зона: на что мы можем опираться, признавая за другим статус самотождественного субъекта? Ответ на данный вопрос традиционно ищется в коммуникативной плоскости межличностного взаимодействия и, в конечном счете, касается условий доверия к самопрезентации и манифестациям других личностей [Рикёр, 2008; Данилевский, 2005; Шелестюк, 2011; Секацкая, Разеев, Чирва, 2015].

Вторая зона: существуют ли возможности существования альтернативных структурных типов самоидентификации, связанных с особенностями строения психики? Ответ ищется

в моделях, трактующих самоидентичность как результат сложного синтеза, включающего множество скрытых промежуточных переменных. Применительно к ДРИ речь может идти о многообразных стратегиях действия бессознательного, обусловленных стрессогенными факторами или неблагоприятными условиями внешней социальной среды [Короленко, Дмитриева, Загоруйко, 2000; Секацкая, Разеев, Чирва, 2015; Волков, 2011].

Третья зона: какие альтернативные модели мира могли бы объяснить иные типы самоидентификации? Моделей находится множество. Подчеркивается необходимость кардинальной смены познавательных установок на проблему сознания (квантовая теория, синергетика, теория фракталов, теория множественных миров, голографическая модель сознания и др.) [Данилевский, 2005; Никонов, 2006]. Согласно этим трактовкам у нас нет никаких оснований сомневаться в истинностном статусе существования множественных личностей.

Оставив в стороне онтологический статус феномена ДРИ, предположим, что существует какая-то убедительная объяснительная модель, найденная во второй зоне проблематизации, допускающая возможность ятрогенного, социально обусловленного формирования этого синдрома. Значит, можно исследовать и идеологические мотивы распространения феномена ДРИ. Рассмотрим этот аспект более внимательно.

Со слов Дэниэла Киза, автора уже упомянутого документального романа «Множественные умы Билли Миллигана», известно, что одним из стержневых противоречий при попытках интеграции личности Билли Миллигана была коллизия между уровнями способностей интегрированного Билли и каждой отдельной дезинтегрированной личностью. Другими словами, интегрированный Билли усреднялся в каждой отдельной из своих компетенций, присутствующих в его альтернативных личностях, значительно теряя при этом и в своих общих адаптивных способностях. Что же касается дезинтегрированного Билли, его адаптивные возможности значительно возросли, хотя и присутствовали внутренние конфликты, борьба и конкуренция между отдельными личностями. Но за счет использования высокоразвитых, хотя и узко специализированных компетенций, он действовал в соответствующих контекстах с максимальной степенью эффективности. Опять-таки, вспоминая, что мы исследуем возможные идеологические мотивы распространения феномена ДРИ, обратим внимание на одну примечательную макросоциальную аналогию, непроизвольно всплывающую при осмыслении факта общего ослабления интегрированного Билли. Речь идет о двенадцатой финлеевской лекции, прочитанной Фридрихом Августом фон Хайеком в Дублине в декабре 1945 года [Хайек, [www](#)]. Лекция, как и ее название, имели ярко выраженный программный характер: «Индивидуализм: истинный и ложный». Поскольку аналогия с предельной точностью воспроизводит на макроуровне суть коллизии интегрированного и дезинтегрированного Билли Миллигана, приведем несколько расширенных цитат из этой лекции.

«Следующий шаг в индивидуалистическом анализе общества направлен против рационалистического псевдоиндивидуализма, который также на практике ведет к коллективизму. Он утверждает, что, прослеживая совокупные результаты индивидуальных действий, мы

обнаруживаем, что многие институты, составляющие фундамент человеческих свершений, возникли и функционируют без какого бы то ни было замыслившего их и управляющего ими разума; что, по выражению Адама Фергюсона, «нации наталкиваются на учреждения, которые являются, по сути, результатом человеческих действий, но не результатом человеческого замысла»; а также, что спонтанное сотрудничество свободных людей часто создает вещи более великие, чем их индивидуальные умы смогут когда-либо постичь в полной мере. Это великая тема Джозайи Такера и Адама Смита, Адама Фергюсона и Эдмунда Берка, великое открытие классической политической экономии, ставшее основой нашего понимания не только экономической жизни, но и большинства подлинно социальных явлений. Различие между этим взглядом, согласно которому большая часть порядка, обнаруживаемого нами в людских делах, есть непредвиденный результат индивидуальных действий, и другим, который возводит весь существующий порядок к преднамеренному замыслу, составляет первый глубокий контраст между истинным индивидуализмом британских мыслителей XVIII в. и так называемым «индивидуализмом» картезианской школы» [там же].

Иными словами, слабость интегрированного Билли Миллигана, если бы мы рассматривали его как общественный институт, каким он собственно и являлся в состоянии ДРИ, так как его отдельные личности имели возможность вступать в коммуникацию между собой и принимать совместные решения, выражает слабость применения картезианской модели рациональности, заключающейся в целенаправленном, осмысленном и централизованном управлении. Далее следует еще более жесткое противопоставление двух типов организации человеческой деятельности.

«Но это только один аспект еще более широкого различия между взглядом, вообще оценивающим довольно низко роль разума в людских делах и утверждающим, что человек достиг всего, несмотря на то, что он лишь отчасти руководим разумом, к тому же крайне ограниченным и несовершенным, и взглядом, согласно которому все люди всегда в полной и равной мере обладают Разумом с большой буквы, и все, чего достигает человек, есть прямой результат работы индивидуального разума и, соответственно, подчинено его контролю. Можно даже сказать, что первый взгляд – это продукт острого осознания ограниченности индивидуального ума и вызванного этим чувства смирения перед безличными и анонимными общественными процессами, посредством которых индивиды создают вещи более великие, чем доступно их пониманию, тогда как второй – это продукт неумеренной веры в силы индивидуального разума и вытекающего отсюда презрения ко всему, что не было им сознательно спроектировано и не вполне для него постижимо...» [там же].

Приведенный фрагмент очень хорошо объясняет, почему внутренний коллектив личностей Миллигана регулярно «отправлял Билли спать». Потому что им хотелось создать вещи более великие, чем доступно их пониманию, а иначе бы Билли со своей «неумеренной верой в разум» так или иначе предпринимал бы попытки их контролировать и, по мере возможностей, проектировать свою деятельность. Таким образом, на общесистемном уровне механизм

централизованного управления вступает в известное противоречие с принципами free market и laissez faire. Далее Хайек объясняет, почему именно в англоязычных странах может наблюдаться высокий процент субъектов с диссоциативным расстройством идентичности.

«Антирационалистический подход, в соответствии с которым человек не высокорациональное и непогрешимое, а достаточно иррациональное и подверженное заблуждениям существо, индивидуальные ошибки которого корректируются только в ходе общественного процесса и которое стремится создать самое лучшее из очень несовершенного материала, представляет собой, вероятно, наиболее характерную черту английского индивидуализма».

Далее снова следует обличение нищеты планомерной деятельности, понимаемой как фатализм, из чего становится ясно, что хорошая память, стратегическое планирование и здравый рассудок значительно ограничивают человеческий потенциал, превращая человека во что-то вроде робота самого себя. И неудивительно, что одной из социальных тенденций, вырастающей на этой почве, становится массовое размножение виртуальных идентичностей и фейковых личностей, быстро и легко достигающих целей, в том числе и за счет анти-социальных поступков.

«Было бы интересно проследить дальнейшее развитие такого рода индивидуализма, связанного с идеей общественного договора и «проектными» теориями («design» theories) общественных институтов от Декарта через Руссо и французскую Революцию до специфически инженерного подхода к социальным проблемам, существующего в наши дни.. Подобный очерк обнаружил бы, как картезианский рационализм постоянно оказывался серьезным препятствием на пути понимания исторических явлений, и что он в значительной степени ответствен за веру в неумолимые законы исторического развития и за современный фатализм, который от нее произошел» [там же].

И, наконец, заключительный фрагмент лекции Хайека, который может пролить свет на то, почему Билли Миллиган, просыпаясь, неустанно пытался покончить с собой.

«Индивидуализм учит нас, что общество – это нечто более великое, чем человек, только пока оно свободно. Покуда оно контролируется или управляется, оно ограничено мощью контролирующих его или управляющих им индивидуальных умов. Если современное мышление, в своей самонадеянности не относящееся с уважением ни к чему, что не контролируется сознательно индивидуальным разумом, не поймет со временем, где надо остановиться, мы можем, как предупреждал Эдмунд Берк, «быть совершенно уверены, что все вокруг нас будет постепенно приходить в упадок, пока наконец наши дела и интересы не сморщатся до размеров наших мозгов» [там же].

Примечательно, что в своем внутреннем пространстве Билли Миллиган на субличностном микроуровне практически без купюр синхронистично воспроизводит все вышеназванные программные установки на форму «истинного индивидуализма» в обществе. Более того, в свете этой аналогии и сам терапевтический процесс может быть интерпретирован на макросоциальном уровне как достижение интеграции более высокого порядка из пер-

вичных «спонтанных порядков» в духе воззрений социолога Норберта Элиаса и его теории «социальной фигурации», подкрепляемой психоанализом [Элиас, 2001].

Важно подчеркнуть, что в социальных теориях всегда можно выделить два ценностно окрашенных вектора осмысления самого общественного субъекта. Первое можно связать с ценностной позицией, например, С.Л. Франка, подвергнувшего глубокому анализу понятие социального атома [Франк, 1992]. И если его позиция соответствует синтетическому вектору связности в рамках триединства «Я – Ты – Мы», то обратное движение, напротив, работает против любого вида социальной связности, *расщепляя в конечном итоге и сам социальный атом на «коллективы бессвязных субъектов» в рамках внутренней разобщенности «Я – Он – Они».*

Таким образом, можно предположить, что и за самим феноменом распространения ДРИ могут скрываться не только и не столько детские травмы или неведомые трансперсональные силы, сколько вполне отчетливые идеологические установки на ценностное неприятие концепции целостного рационального субъекта, словно бы он был не совсем удобен для современных социальных систем, а также социальные проекты, направленные на глубинное внедрение этих установок. В этом контексте необходимо отметить, что именно случай Билли Миллигана создал судебный прецедент освобождения от уголовной ответственности по причине расщепления личности. В социальном плане этот факт явно демонстрирует прямую установку на то, что расщепленной личностью быть выгодней, чем целостной.

Заключение

Учитывая все вышеизложенное и принимая во внимание возможности ятрогенного (в широком смысле, включая влияние СМИ) распространения модели множественной личности, подкрепленные, кроме прочего, философскими проблематизациями данного вопроса, мы хотим в завершение заострить внимание на трех конструктивных тезисах, касающихся актуальных возможностей развития целостного субъекта.

1. Приоритет целостного, синтетического понимания человеческой личности в противовес аналитическому и номиналистическому растворению субъекта в своих отдельных функциях, субличностях и манифестациях бессознательного. При этом сам полюс диссоциированности не должен пониматься как негативный относительно доминантного полюса ассоциированности. Ничто не мешает рассматривать диссоциированные состояния как прагматически полезные в соответствующих контекстах, но только если они приобретают характер произвольной, контролируемой, «окультуренной» функции и соответственно расширяют диапазон возможностей субъекта. А это уже вопрос психотехнологий личностного развития и социальной инженерии.

2. Необходимость ценностного подкрепления соответствующих практик развития субъектности, тем более, сам по себе факт идентичности не является априорной данностью,

пассивной способностью, а скорее соответствует множеству технологий обретения, поддержания и развития личностной целостности или, говоря языком позднего Мишеля Фуко, требует «заботы о себе» и применение «практик себя» [Фуко, 2007].

3. Разработка «практик себя», на наш взгляд, наиболее плодотворна в русле отечественных традиций (С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский, С.С. Хоружий и др.), где вопрос укрепления субъекта и личностного развития традиционно рассматривается как общественно значимый процесс [Штекль, 2007; Брушлинский, 1997, 53-59; Брушлинский, 2003; Брушлинский, 2013, www]. При этом можно выделить три наиболее важных вектора развития личностной идентичности: когнитивный, нравственный и волевой статусы самоотдельного субъекта.

Таким образом, в нашей статье мы проследили, каким образом структура отдельного расстройства персональной идентичности может отражать и воспроизводить в себе целостные социокультурные матрицы и установки на формы социального взаимодействия. Поиск и анализ подобных взаимосвязей представляет большой практический интерес как в общеметодологическом плане, так и в плане социальной инженерии.

Библиография

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. 390 с.
2. Брушлинский А.В. (ред.). Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории. М.: РАН, 1997. 576 с.
3. Брушлинский А.В. Психология субъекта. М., 2003. 272 с.
4. Брушлинский А.В. Человек, субъект, личность // Материалы Международной научной конференции. 2013. URL: <http://ipras.ru/engine/documents/document5483.pdf>
5. Волков Д.Б. Бостонский зомби. Д. Деннет и его теория сознания. М., 2011. 320 с.
6. Данилевский И.В. Структуры коллективного бессознательного. Квантоподобная социальная реальность. М.: КомКнига, 2005. 376 с.
7. Киз Д. Множественные умы Билли Миллигана. М., 2015. 512 с.
8. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В., Загоруйко Е.Н. Идентичность в норме и патологии. Новосибирск, 2000. 255 с.
9. Меграбян А.А. Деперсонализация. Ереван: Армянское государственное издательство, 1962. 283 с.
10. Никифорова П. Феномен множественной личности в науке и культуре. СПб., 2014. 20 с.
11. Никонов Ю.В. Многомировая интерпретация патологии памяти // Квантовая магия. 2006. Т. 3. Вып. 1. С. 1201-1206.
12. Рикёр П. Я-сам как другой. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2008. 416 с.
13. Розин В.М. Феномен множественной личности. По материалам книги Дэниела Киза «Множественные умы Билли Миллигана» М.: Ленанд, 2015. 200 с.

14. Секацкая М.А., Разеев Д.Н., Чирва Д.В. Кто мы такие? Современные теории тождества. СПб., 2015. 130 с.
15. Турбина Е.Г. Множественной персональности синдром // Кемеров В.Е., Керимов Т.Х. (ред.) Социальная философия. Екатеринбург, 2006. С. 205.
16. Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. 511 с.
17. Фуко М. Герменевтика субъекта. СПб.: Наука, 2007. 680 с.
18. Хайек Ф. Индивидуализм: истинный и ложный // Хайек Ф. Индивидуализм. URL: <http://www.libertarium.ru/9940>
19. Шелестюк Е.В. Психосоциальный аспект языковой личности // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Филология. Искусствоведение». 2011. Вып. 57. № 24 (239). С. 287-290.
20. Штекль К. Сообщество после субъекта. Православная интеллектуальная традиция и философский дискурс политического модерна // Вопросы философии. 2007. № 8. С. 34-46.
21. Элиас Н. Общество индивидов. М.: Праксис, 2001. 336 с.

Dissociative identity disorder in the context of social philosophy

Dmitrii L. Shkarin

Psychologist,
Center for development of training technologies,
620142, 61 Bol'shakova st., Ekaterinburg, Russian Federation,
e-mail: dshkarin@mail.ru

Elena V. Shelestyuk

Doctor of Philology, Associate Professor, Professor,
Department of theoretical and applied linguistics,
Chelyabinsk State University,
454001, 129 Brat'ev Kashirinykh st., Chelyabinsk, Russian Federation;
e-mail: shelestiuk@yandex.ru

Abstract

The article deals with the phenomenon of dissociative identity disorder from the point of view of social philosophy. When considering the philosophical problems associated with the phenomenon of dissociative identity disorder, the authors suggest distinguishing three thematic areas: the intersubjective aspect of identity status qualification, the non-transparency

of consciousness for oneself and the possibility of constructing alternative models of reality that allow the realization of multiple identities. Further analysis shows that structurally the functioning of the dissociated subject reproduces the general logic of the functioning of decentralized social systems and reflects ideological attitudes toward criticism of rationality, understood as the projected mastery of reality. Comparing the specificity of the organization of the inner world and the behavioral characteristics of an individual suffering from this type of mental illness, the authors draw parallels with the socio-philosophical discussion about the advantages and disadvantages of decentralized systems with a low level of internal integration. The question is raised about the possible impact of socio-cultural values on the form and structure of personal identity in the context of mass culture. In conclusion, the importance of social technologies in the development of a holistic subject is emphasized and prospects for their application in the process of forming a personal identity are determined.

For citation

Shkarin D.L., Shelestyuk E.V. (2017) Dissotsiativnoe rasstroistvo identichnosti v kontekste sotsial'noi filosofii [Dissociative identity disorder in the context of social philosophy]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 6 (2A), pp. 57-67.

Keywords

Personal identity, multiple personality syndrome, dissociative identity disorder, iatrogenic effects, organization of the system, decentralization, individualism, individualized society, Billy Milligan, formation of subjectness, self-identity, integrity of personality

References

1. Bauman Z. (2002) *Individualizirovannoe obshchestvo* [Individualized society]. Moscow: Logos Publ.
2. Brushlinskii A.V. (201) Chelovek, sub"ekt, lichnost' [Person, subject, personality]. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Proc. of the International Scientific Conference]. Available at: <http://ipras.ru/engine/documents/document5483.pdf> [Accessed 24/02/17].
3. Brushlinskii A.V. (ed.) (1997) *Psikhologicheskaya nauka v Rossii XX stoletiya: problemy teorii i istorii* [Psychological science in Russia of the 20th century: problems of theory and history]. Moscow: RAN Publ.
4. Brushlinskii A.V. (2003) *Psikhologiya sub"ekta* [The psychology of the subject]. Moscow.
5. Danilevskii I.V. (2005) *Struktury kollektivnogo bessoznatel'nogo. Kvantopodobnaya sotsial'naya real'nost'* [Structures of the collective unconscious. Quantum-like social reality]. Moscow: KomKniga Publ.

6. Elias N. (2001) *Obshchestvo individov* [Society of Individuals]. Moscow: Praksis Publ.
7. Frank S.L. (1992) *Dukhovnye osnovy obshchestva* [Spiritual foundations of society]. Moscow: Respublika Publ.
8. Foucault M. (2007) *Germenevtika sub"ekta* [Hermeneutics of the subject]. Saint Petersburg: Nauka Publ.
9. Hayek F. *Individualizm: istinnyi i lozhnyi* [Individualism: true and false]. Available at: <http://www.libertarium.ru/9940> [Accessed 27/02/17].
10. Kiz D. (2015) *Mnozhestvennye umy Billi Milligana* [Multiple minds of Billy Milligan]. Moscow.
11. Korolenko Ts.P., Dmitrieva N.V., Zagoruiko E.N. (2000) *Identichnost' v norme i patologii* [Identity in norm and pathology]. Novosibirsk.
12. Megrabyan A.A. (1962) *Depersonalizatsiya* [Depersonalization]. Erevan: Armenian State Publ.
13. Nikiforova P. (2014) *Fenomen mnozhestvennoi lichnosti v nauke i kul'ture* [The phenomenon of multiple personality in science and culture]. Saint Petersburg.
14. Nikonov Yu.V. (2006) Mnogomirovaya interpretatsiya patologii pamyati [Many-world interpretation of memory pathology]. *Kvantovaya magiya* [Quantum magic], 3 (1), pp. 1201-1206.
15. Riker P. (2008) *Ya-sam kak drugoi* [I am like the other]. Moscow: Humanitarian Literature Publ.
16. Rozin V.M. (2015) *Fenomen mnozhestvennoi lichnosti. Po materialam knigi Deniela Kiza "Mnozhestvennye umy Billi Milligana"* [The phenomenon of multiple personality. Based on the book by Daniel Kiese "Multiple Minds of Billy Milligan"]. Moscow: Lenand Publ.
17. Sekatskaya M.A., Razeev D.N., Chirva D.V. (2015) *Kto my takie? Sovremennye teorii tozhdestva* [Who are we? Modern theories of identity]. Saint Petersburg.
18. Shelestyuk E.V. (2011) Psichosotsial'nyi aspekt yazykovoii lichnosti [Psychosocial aspect of the language personality]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Filologiya. Iskustvovedenie"* [Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series "Philology. Art History"], 57 (24) (239), pp. 287-290.
19. Shtekl' K. (2007) Soobshchestvo posle sub"ekta. Pravoslavnaya intellektual'naya traditsiya i filosofskii diskurs politicheskogo moderna [Community after the subject. Orthodox intellectual tradition and philosophical discourse of political modernity]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 8, pp. 34-46.
20. Turbina E.G. (2006) Mnozhestvennoi personal'nosti sindrom [Multiple personality syndrome]. In: Kemerov V.E., Kerimov T.Kh. (eds.) *Sotsial'naya filosofiya* [Social philosophy]. Ekaterinburg.
21. Volkov D.B. (2011) *Bostonskii zombi. D. Dennet i ego teoriya soznaniya* [Boston zombies. D. Dennett and his theory of consciousness]. Moscow.